

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем печатать статьи из капитального труда, посвященного анализу шести поколений московских философов¹. В данном номере представлены труды философов поколения 1990-х годов. Сердечно благодарим руководителя авторского коллектива, члена-корреспондента РАН, профессора РАН Юлию Вадимовну Синеоку за разрешение на эту публикацию.

В.П. Макаренко

ПОКОЛЕНИЕ СВОБОДНОЙ РОССИИ²

В.В. Васильев

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: *В статье автор размышляет о поколении московских девяностодесятиков, отталкиваясь от личных воспоминаний и собственной философской карьеры. Утверждается, что именно поколение девяностодесятиков с наибольшими последствиями для себя пережило опыт перехода России от тоталитаризма к свободе в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Автор, в частности, утверждает, что этот опыт ответствен за индивидуализм, свойственный многим представителям данного поколения. В статье обсуждается обстановка на философском факультете МГУ на рубеже 90-х, достижения московских философов из поколения девяностодесятиков и ряд тенденций и проблем современной российской философии.*

Ключевые слова: *философские поколения, девяностодесятики, философский факультет МГУ, Институт философии РАН.*

Философия начинается с попыток разобраться в чем-то. Философов интересует всё на свете. Пытаются они, конечно, разобраться и в истории своей дисциплины, как глобальной, так и локальной. Локальная история – это жизнь философского сообщества. И, говоря о ней, трудно избежать терминологии сменяющих друг друга поколений. Поэтому проект Ю.В. Синеокой, задумавшей свести разные поколения московской ветви российской философии на страницах одной книги, показался мне очень интересным. Свое участие в этом проекте мне

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 681–691.

хотелось бы оформить так, чтобы оно укладывалось в логику его автора. Поэтому я воспользуюсь вопросами, присланными Юлией Вадимовной, обобщу их и кратко отвечу на них. Первый вопрос касался самого понятия философского поколения и его критериев, второй – основных черт поколения девяностодесятиков, к которому я принадлежу, третий – событий, определивших мой путь в философию, четвертый – отличию проблемного поля философии моего поколения от проблемных полей других поколений. Пятый вопрос – это вопрос о моих учителях, сверстниках и учениках, шестой и седьмой – о знаковых фигурах нашего поколения и о круге моего общения, восьмой – о Московском центре исследования сознания при философском факультете МГУ, содиректором которого я являюсь, девятый – о кафедре ИЗФ философского факультета МГУ, которой я давно руковожу, десятый и одиннадцатый – об Институте философии и его атмосфере, двенадцатый – о моем участии в философских сообществах и тринадцатый – о сходствах и различиях смены философских поколений в России и за рубежом. Свои ответы я разобью на главки в соответствии с перечисленными вопросами.

Понятие и критерии философского поколения

Все философы, я думаю, понимают условность понятия поколения и условность выделения разных поколений в соответствии со сменяющимися друг друга десятилетиями прошлого и нынешнего веков. С другой стороны, культура соткана из условностей, оказывающих вполне реальное воздействие. Реальной основой различия поколений как групп людей примерно одного возраста, демонстрирующих специфические схемы или установки поведения, может быть не столько временная шкала (так как при признании ее единственным критерием граница поколений будет неизбежно размываться), но и какие-то общественные события, формирующие поведенческие установки у людей, вступающих в пору формирования подобных установок, т. е. в пору зрелости. И такие значимые в общественном плане события могут укладываться в логику десятилетий. Философы – часть более широкого поколения, но общие для всего поколения черты обретают у них специфически философское выражение.

Поколение девяностодесятиков

Это поколение, как следует из названия, впервые заявило о себе в 90-е гг. XX в. Главным событием 90-х был, конечно же, распад советской государственности и крах тоталитарной коммунистической идеологии. Еще в 1990 г. трудно было поверить, что это случится. Август 1991 г. преобразил нашу страну буквально за несколько дней, по крайней мере в плане внутренних ощущений людей: экономически это было закреплено в начале 1992 г., когда после распада СССР в декабре 1991 г. и появления самостоятельного российского государства произошла либерализация цен, полки магазинов заполнились товарами и страна круто двинулась к капитализму. Это было время ощущения самой настоящей свободы, и не упавшей с неба, а добытой усилиями диссидентов и правозащитников, а в последние годы – политиков и активистов (позже в 90-е новые российские власти наделали много тяжелых ошибок, но они все же не перечеркнули обретений первых либеральных лет; не удалось зачеркнуть их и поныне, хотя опасность тоталитаризма возрастает). Перед философами больше не было никаких идеологических преград, можно было писать о чем угодно и заниматься тем, что интересно. Впрочем, философский факультет МГУ отчасти уже и до этого существовал в постсоветском пространстве: студенты середины 80-х удивляли разнообразием типажей и интересов, в библиотеках им была доступна запретная литература, а по рукам ходил самиздат. И я не думаю, что такая свободная атмосфера была каким-то упущением верхов. Постепенный демонтаж тоталитарной идеологии начался за-

долго до 80-х и даже после Н.С. Хрущева шел не только снизу, со стороны А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына и их единомышленников, но и сверху – скорее всего со стороны М.А. Сулова, которого Солженицын еще в 60-е гг. подозревал в тайном свободолобии: реальная роль и заслуги этого главного идеолога СССР до сих пор не вполне ясны и плохо изучены. Так или иначе, но опыт либерализации начала 90-х сыграл огромную роль в формировании поколения девяностодесятиков. Это, возможно, самое либеральное поколение, потому что, в отличие от более поздних поколений, мы ясно видели переход от несвободы к свободе, могли сравнить их и осознать преимущества свободы. Более же ранние поколения формировались в ситуации идеологического прессинга. Они нередко противостояли этому давлению, но не могли не впитывать поведенческие нормы несвободы.

Мой путь в философию

Я отметил, что философский факультет МГУ был островком относительной свободы еще и до начала событий, приведших к российской либеральной революции 1991 г. Чем-то подобным, насколько мне известно, был и Институт философии. Но такие островки, пусть и не столь заметные, существовали и в других местах. Я жил в далеком Барнауле, городе с немалым количеством институтов, театров и музеев: географ П. Семенов-Тянь-Шанский в свое время прозорливо назвал его «Сибирскими Афинами». Я вырос в очень интеллигентной семье, в окружении сотен книг – а видел и тысячи книг, как в квартире маминого учителя психиатра Ю.К. Эрдмана. Родители всячески поощряли меня к самостоятельному выбору пути. При этом они хотели, чтобы мой выбор был осознанным. Поэтому время от времени отец подбрасывал мне самое разное чтение. Помню, к примеру, как я штудировал интереснейший переводной труд по молекулярной биологии (другой опцией были шахматы: я стал чемпионом края среди юношей, а потом пробыл в финал чемпионата России; одну из моих ранних партий даже опубликовали в местной газете). В другой раз он дал мне книгу по философии, и она так увлекла меня, что выбор профессии был предопределен. Вскоре мы узнали о философском факультете МГУ. Я погрузился в литературу и еще в школе ухитрился написать философский трактат «Общая теория стоимости». По форме это было что-то гегельянское, а главный тезис состоял в том, что с расширением машинного производства машины занимают место Марксовых рабочих (во время школьной практики на заводе мне часто доводилось проходить по безлюдным цехам, где всю работу выполняли станки-автоматы; так что это был не просто абстрактный концепт, но и живой визуальный образ), а значит, исчезает та форма эксплуатации, которая должна была приводить к пролетарской революции (я уничтожил этот текст после первого курса университета). Так или иначе, но едва ли можно говорить, что к философии меня подтолкнули какие-то общественно значимые события. Скорее это были внутренние предрасположенности, которые нашли выход благодаря мудрости моих родителей. Но сама эта их мудрость была мудростью шестидесятников. И их свобода не была «кухонной». В начале 80-х гг. квартира родителей в центре Барнаула стала местом притяжения творческой публики. У них собирались профессора и художники, певцы и музыканты. Интеллектуальный блеск сочетался там с кулинарными и художественными изысками. Оперные арии и фортепианные экспромты едва ли радовали наших терпеливых соседей.

Проблемное поле девяностодесятиков

В 90-е гг. российские философы оказались в непростой ситуации. Официальной философией предшествующих десятилетий был модернизированный марксизм: диалектический и исторический материализм. Разумеется, публиковалось немало работ, авторы которых не воспринимались как диалектические или исторические материалисты. Сразу вспоминается М.К. Мамар-

дашили, но особенно много таких работ было по истории философии. Я назову лишь хорошо известные мне в студенческие времена труды А.Ф. Лосева (хотя он любил порассуждать о преимуществах диалектического материализма), Н.В. Мотрошиловой, П.П. Гайдено, Г.Г. Майорова, М.А. Гарнцева и А.Л. Доброхотова. В их статьях и книгах почти не чувствовалось догматики марксизма. Но в общем советская философия была, конечно, марксистской. Однако в 90-е гг. официальный марксизм исчез из нашей жизни. И начался поиск новой идентичности отечественной философии. В 90-е гг. главные надежды в этом плане связывались с возрождаемой традицией русской религиозной философии. При оглядке на те времена это кажется малоперспективным. Конечно, мы можем гордиться русской религиозной философией, гордиться В. Соловьевым и Н. Бердяевым, но трудно предполагать, что именно в религиозной философии на рубеже XXI в. отечественная философия могла бы найти свой новый идеал и регулятивы. Поколение девяностодесятиков смогло, на мой взгляд, осознать это обстоятельство и начать поиски новой идентичности в совершенно другом направлении, которое можно описать как выбор между аналитической и континентальной философией. Впрочем, этот выбор стал особенно актуальным не в 90-е гг., а в последующие десятилетия. Поэтому решающую роль в нем могут сыграть уже другие, более поздние поколения.

Учителя, сверстники, ученики

Я уже упоминал о влиянии своего отца, Валерия Павловича Васильева. Он не был философом (он был доктором медицинских наук, физиологом и биохимиком), но интересовался философией. Он был моим первым учителем. Не забуду сказать и о школьных наставниках. Я учился в барнаульской школе № 42 – одной из лучших в Сибири. Уже в 1976 г., когда я начал обучение, здесь был компьютерный класс. Но дело не только в технической продвинутости. Одна из моих соклассниц отказалась вступать в октябрята, а потом и в пионеры, потому что была баптисткой. Ее не только не шельмовали, но и сделали ее старостой класса. Это стало важным уроком для меня. Одним из самых интересных предметов накануне выпуска было обществоведение, которое, как и историю, преподавала моя любимая учительница М.И. Кабанова. А на первом курсе философского факультета МГУ, куда я поступил в 1986 г., наибольшее воздействие оказал на меня А.Л. Доброхотов. Он вел у нас семинары по истории философии. Он говорил тихим голосом, без особой аффектации, но в его словах были словно бы золотые проблески каких-то философских интуиций. К тому же на одном из его семинаров я сделал свой первый философский доклад: сравнение теорий познания Эмпедокла и Анаксагора. Оценку «недурственно» я воспринял как высшую похвалу. После возвращения из армии в университет в 1989 г. я много общался с А.Ф. Грязновым, вьедливым историком аналитической философии. Он был моим научным руководителем и благотворно повлиял на меня. Много давали мне беседы и с одним из старейших профессоров факультета и многолетним неформальным лидером нашей кафедры ИЗФ В.В. Соколовым. В душе он всегда был молодым: в 2016 г., в 97-летнем возрасте он, к примеру, предложил провести и частично провел свой спецкурс в онлайн-формате. Это был один из первых онлайн-курсов на нашем факультете в регулярном расписании (история онлайн-проектов факультета началась с телемоста с университетом Олбани, организованным нашей кафедрой в начале 2009 г. совместно с Р. Хауэллом и руководством философского факультета). Очень теплым и плодотворным было и общение с многолетним деканом нашего факультета В.В. Мироновым, у которого всегда были наготове интересные культурологические наблюдения и параллели, а также с К.Х. Момджяном, восхищающим меня продуманностью своих теоретических построений. Я мог бы назвать своими учителями и многих других наших преподавателей, в том числе неподражаемого Вяч.Вс. Иванова, лекции которого напоминали разлетающиеся многоцветные

шары, блистательного Г.Г. Майорова, вдохновенного логика В.А. Бочарова, утонченного филолога М.Л. Гаспарова, загадочного и глубокого В.В. Бибикина (который почему-то приметил меня, и мы не раз разговаривали с ним на разные темы), а также В.И. Молчанова и М. Маккинси (последние двое были у нас приглашенными лекторами: первый демонстрировал строгую красоту феноменологии, а второй в своем большом курсе давал образцы бескомпромиссной аналитической философии; всё это было в самом начале 90-х). Если говорить не о факультете, то я особенно благодарен мудрой Н.В. Мотрошиловой и В.А. Жучкову из Института философии РАН, которые наставляли меня со студенческих времен. Жучков был добрейшим человеком, большим знатоком Канта (подаренное ему немецкое собрание сочинений Канта он за недостатком места одно время хранил в холодильнике) и настоящим шестидесятником. В последнее время я с пользой для себя изучал книги академика А.В. Смирнова. Большое влияние своими трудами и беседами оказали на меня также академики А.А. Гусейнов и В.А. Лекторский. Ну а моим главным заочным учителем стал Д. Юм, с толкования идей которого еще в студенческие годы началась моя научная карьера и размышление над которыми в более поздние времена сподвигло меня на самостоятельные философские опыты. Я также испытал большое влияние идей Д. Чалмерса.

Если говорить о моем поколении, то наибольшую пользу принесло мне общение с коллегами по философскому факультету – А.А. Кротовым, А.А. Костиковой, А.П. Козыревым, М.О. Кедровой, Д.В. Бугаевым и Е.В. Фалевым. Много дало мне также общение с А.Н. Кругловым и с Ю.В. Синеокой.

У меня было немало студентов и аспирантов. Многих из них я был бы счастлив назвать своими учениками. Особенно я горжусь достижениями Д.Б. Волкова (содиректора Московского центра исследования сознания и профессора МГУ), который написал прекрасные книги о Д. Деннете и о новейших трактовках проблемы свободы воли и моральной ответственности, А.П. Беседина (знатока философии Беркли и современных концепций моральной ответственности), М.Ю. Васильевой (специалистки по немецкой классической философии), А.В. Кузнецова (исследователя аналитической философии сознания) и Е.В. Логинова (знатока традиции прагматизма и главного редактора великолепного журнала «Финиковый компот»). Они уже стали заметными учеными, и я рад, если в их успехах есть и моя доля.

Люди моего поколения

В поколении девяностодесятников много талантливых людей. Некоторые из них проявили себя не только как первоклассные исследователи, но и как сильные организаторы. Это и Ю.В. Синеокая, много делающая на посту заместителя директора Института философии РАН (это не только эффективное администрирование, но и новаторские публичные проекты и великолепные научные сборники), и В.В. Анашвили, главный редактор «Логоса», одного из лучших российских философских журналов последних десятилетий, созданного с чистого листа в 1991 г. (отдельного упоминания заслуживает книгоиздательская деятельность Анашвили, масштабы и культурную значимость которой трудно переоценить), и А.А. Кротов, сыгравший важную роль в сохранении общей дискуссионной площадки для отечественных философов в рамках Учебно-методического объединения и Ассоциации философских факультетов и отделений России, и И.М. Чубаров, преобразивший научную жизнь в Тюменском университете, и Н.А. Дмитриева, вдохнувшая новую жизнь в «Кантовский сборник» и возглавившая Академию Кантиана в Калининграде. Некоторые философы моего поколения добились больших успехов в международных научных проектах. Это прежде всего прекрасный специалист по Гегелю Н.С. Плотников, давно работающий в Германии, А.Н. Круглов, один из лучших знатоков философии эпохи Просвещения, и П.В. Резвых, ведущий шеллинговед России. Нужно упомянуть и других извест-

ных ученых: историков русской философии А.П. Козырева (возглавившего в 2020 г. философский факультет МГУ), В.В. Ванчугова, А.Н. Резниченко, Б.В. Межуева, Т.Н. Резвых и Т.Г. Щедрина, историков западной философии А.А. Костикову и В.Е. Семенова (фундаментальный труд которого по истории трансцендентализма в свое время произвел большое впечатление на В.В. Соколова и который в те дни, в которые я пишу эти строки, переходит на работу к нам на факультет и на кафедру), логика Д.В. Зайцева, онтологов В.Ю. Кузнецова и Д.В. Иванова, культурологов Д.А. Лунгину и М.О. Кедрову, философов науки Е.В. Брызгалину и Е.В. Косилкову, античников Д.В. Бугая, С.А. Мельникова и М.А. Солопову, медиевистов А.В. Апполонова, Д.К. Маслова и А.М. Шишкова, германистов И.А. Михайлова и Е.В. Фалева и японистку Н.Н. Трубникову. И этот список, конечно, далеко не полон.

МЦИС

Московский центр исследования сознания стал одним из самых удачных проектов, в которых я принимал участие (на общественных началах). Осенью 2009 г. нам с Д.Б. Волковым пришла в голову мысль создать некую институцию для популяризации идей аналитической философии. Все началось с составленного мною списка ведущих аналитических философов, которых мы хотели бы увидеть в гостях на философском факультете (центр изначально был сориентирован на тесное сотрудничество с философским факультетом МГУ). В последующие годы благодаря административным талантам и финансовым ресурсам Д.Б. Волкова (он успешный бизнесмен из российского списка «Форбс») нам вместе с руководством философского факультета (при поддержке В.В. Миронова и помощи А.А. Костиковой) удалось реализовать эту программу. За десять лет у нас побывали Д. Деннет, Дж. Серл, Д. Чалмерс, Т. Уильямсон, П.С. Черчленд, Д. Столджар, Д. Перебум, Н. Хамфри, С. Сомс, Дж. Принц, Э. Олсон и С. Хамерофф. Это элита аналитической философии. Со временем центр расширялся. На работу были приняты молодые сотрудники – А.В. Кузнецов, А.П. Беседин, А.В. Мерцалов и Е.В. Логинов. Расширялась и деятельность центра. Мы провели уникальную конференцию в Гренландии (где на парусной яхте ведущие мировые философы спорили друг с другом в присутствии молодых ученых философского факультета МГУ) и четыре летние школы. Эти школы отличались не только первоклассным набором ведущих (Дж.М. Фишер, Д. Перебум, Р. Суинберн и Д. Столджар), но и экзотичными локациями. Школа с Фишером прошла в российской глубинке, на фоне коров и коз, школа с Перебумом – в Риге. Суинберн убеждал нас в своей правоте на каменистой Мальте, а Столджар – в Интернете. Центр также инициировал книжную серию «Философия сознания» в издательстве URSS. Среди книг, вышедших в ней, был перевод знаменитого трактата Д. Чалмерса «Сознающий ум».

По прошествии десяти лет можно, на мой взгляд, уверенно говорить, что наш центр способствовал изменению ландшафта отечественного философского сообщества. Аналитическая философия занимает все более заметные позиции в нем. И я считаю эти изменения значимыми и полезными. Ведь одной из частей идеологического наследия советской философии в нашем сообществе было представление о том, что классическая философская традиция закончилась в XIX столетии, что современная философия – это что-то иное. Лишь постепенно приходило осознание, что этот образ не соответствует действительности. Чем скорее все мы примем этот факт, тем лучше. Стоит также постоянно напоминать себе, что продолжательницей традиций классической философии выступает в наши дни именно аналитическая философия. Все мы любим классическую философию, Платона и Аристотеля, Декарта и Лейбница, Юма и Канта. Эту любовь надо переносить и на аналитическую философию. Важно подогревать интерес к ней, переводить лучшие тексты аналитических философов и конечно же стимулировать появление

оригинальных работ на русском языке в ее стилистике. При этом я уверен, что нам не надо стараться догнать западный авангард. Питерский философ С.М. Левин как-то справедливо заметил, что российские аналитики – самая дискриминируемая группа в мировом аналитическом сообществе (каждое западное признание заслуг наших авторов – как это недавно произошло с советским писателем А. Днепровым, на двадцать лет опередившим Дж. Серла с его легендарной «Китайской комнатой», – воспринимается нами как грандиозная победа). Но нам совсем не нужно быть смиренными просителями. Надо постараться сразу вырваться вперед, как это удалось сделать немецким философам в XVIII в. (в начале XVIII в. по-немецки почти никто не философствовал, а уже через сто лет многие считали, что философствовать можно только по-немецки; важно, что немецкая философия того времени развивалась не в вакууме, а словно губка впитывала в себя главные достижения британцев и французов). Разумеется, это звучит весьма утопично, но в действительности об этой задаче можно и вообще не думать и не страдать над ней. Надо просто повышать качество нашей философской работы и институций (примером такого качественного роста является эволюция многих российских философских журналов, где в последние годы было введено слепое рецензирование, активизирована работа редакционных коллегий и т. п.). Изменение статуса нашего сообщества в мире произойдет само собой. Едва ли нам удастся повторить упомянутое выше немецкое чудо, но что-то у нас наверняка получится.

Кафедра ИЗФ

Кафедра истории зарубежной философии философского факультета МГУ – одна из самых именитых и известных кафедр факультета. В советскую эпоху это была настоящая территория свободы от догматизма. Здесь в разное время преподавали В.Ф. Асмус, В.В. Соколов, Т.И. Ойзерман, П.П. Гайденок, А.С. Богомолов, Ю.К. Мельвиль, И.С. Нарский, А.Н. Чанышев, А.М. Каримский, А.Н. Игнатович, А.Ф. Грязнов, В.Н. Кузнецов, А.М. Руткевич, А.Л. Доброхотов, А.Ф. Зотов, Г.Г. Майоров, Г.Я. Стрельцова, А.А. Костикова, Ю.Р. Селиванов, М.А. Гарнцев, В.Ф. Коровин и другие известные историки философии. Профессора Г.Я. Стрельцова, Г.Г. Майоров, А.Ф. Зотов и доценты М.А. Гарнцев и В.Ф. Коровин и сейчас трудятся на кафедре. Наши коллеги А.А. Костикова и А.А. Кротов стали заведующими других кафедр факультета. Сам я работаю на кафедре с 1993 г., куда меня взяли по предложению В.В. Соколова (мой научный руководитель А.Ф. Грязнов в тот год был на стажировке в США) и при поддержке тогдашнего заведующего А.Ф. Зотова и декана А.В. Панина сразу после окончания специалитета (я не учился в аспирантуре и в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию по кантовской дедукции категорий как соискатель). Я возглавил кафедру по инициативе декана нашего факультета В.В. Миронова в 2004 г., через пару лет после защиты докторской диссертации (по философской психологии эпохи Просвещения) и вскоре после получения профессорской должности. Это, конечно, была большая ответственность. Главной моей задачей было поддержание традиционного для нашей кафедры плюрализма мнений и многообразия исследовательских программ. При этом акценты смещались. На первый план постепенно выходили исследования и курсы по аналитической философии (хотя у нас, как и раньше, много сильных античников, специалистов по средневековой философии и философии Нового времени). Московский центр исследования сознания был по большому счету одним из кафедральных проектов. Были у нас и другие интересные начинания. Мы издаем «Историко-философский альманах», подготовили большой учебник по всей истории философии, выдержавший несколько переизданий и ныне доступный в двух томах, проводим тематические и регулярные конференции. Предметом нашей гордости в последние годы стал научный семинар кафедры и МЦИС «Новые идеи в философии», где мы обсуждаем новинки фило-

софской литературы. Обсуждения получаются очень динамичными, и мы делимся ими в Сети.

Кафедра проходит непростой этап смены поколений. Костяк кафедры в наши дни составляют Е.В. Фалев, Д.В. Бугай, М.Ю. Васильева, Д.К. Маслов, С.А. Мельников и Д.Г. Миронов. Это опытные преподаватели и сильные ученые (большинство из них можно отнести к поколению девяностодесятиков). Организацию кафедральных дел умело осуществляет Е.А. Топорина. Наши молодые сотрудники – А.П. Беседин, А.В. Кузнецов, Е.В. Логинов и Н.Д. Сафронова – радуют нас своими инициативами и высоким профессионализмом. Среди наших студентов и аспирантов есть много ярких дарований. Так что я верю в хорошее будущее нашей любимой кафедры.

Институт философии РАН

Институт философии со студенческих лет был для меня вторым научным домом после философского факультета МГУ. Я часто приходил в сектор истории западной философии к Н.В. Мотрошиловой и ее коллегам. Помню интересные беседы с Нелей Васильевной (которые продолжаются и по сей день) и с Т.Б. Длугач. С ними я разговаривал за чашкой чая, которую всегда любезно предлагали в секторе. С В.А. Жучковым и А.А. Столяровым мы беседовали в основном в курилке на пятом этаже старого здания института на Волхонке (к Жучкову я часто приезжал и домой). С тех ранних времен мне запомнилась добрая и творческая атмосфера института. И еще меня всегда поражал уровень международных конференций, организуемых Н.В. Мотрошиловой. Ю.В. Синеокая сейчас успешно продолжает ее дело. В более поздние времена я много и продуктивно общался с директором института А.В. Смирновым, с А.А. Гусейновым, В.А. Лекторским и И.Т. Касавиным. Недавнее избрание меня в академию – большой кредит доверия от них.

Сообщества

Должен признаться, что я не склонен к коллективному времяпрепровождению. Я веду замкнутую жизнь в тесном кругу семьи. Поэтому сообщества никогда не привлекали меня. Я не являюсь членом каких-либо обществ и организаций. Правда, в последние годы на базе нашего научного семинара возникло что-то вроде философского клуба со своими традициями и даже неформальным членством. И в его работе я с удовольствием участвую. Моя оторванность от коллективности объясняется еще и тем, что мои интересы и пристрастия, как я заметил, во многих случаях совершенно не совпадают с интересами и пристрастиями моего окружения. Скажем, если бы я сказал коллегам, что в рок-музыке мне симпатична французская группа Niagara, в отечественной поп-музыке – союз Е. Болдышевой и А. Горбашова, что в современной литературе я больше всего ценю Д. Симмонса, а в визуальном искусстве – творчество дизайнеров компании CD Project RED, то вряд ли нашел бы понимание или поддержку. Несовпадение с мнением окружающих не может быть, разумеется, поводом для гордости, но оно может проливать свет на какие-то другие вещи, характерные, возможно, и для других представителей моего поколения. Все мои историко-философские и философские исследования, к примеру, направлялись не столько модой или какими-то политическими веяниями, сколько логикой самого предмета. Я начал с Юма, затем перешел к пробужденному им от догматического сна Канту, занялся головоломной кантовской дедукцией категорий и вырастающей из нее новой теорией сознания, затем стал сопоставлять теорию сознания Канта с аналогичными теориями его современников (в ходе этих разысканий я натолкнулся на забытый бриллиант ранней российской мысли – немецкий трактат о человеческой природе А.П. Кольванова), потом перебрал мост в наши дни

и написал историко-философскую работу о новейших теориях сознания, после чего создал некое подобие собственной теории сознания (под названием «концепции локального интеракционизма»), которая вывела меня на проблему свободы воли: эта концепция допускает возможность объединения интуиций, казалось бы, несовместимых установок либертарианства и компатибилизма. Исследование новейших трактовок свободы воли (обсуждению которых я посвятил специальную монографию) помогло мне осознать глубину влияния идей Юма на современную аналитическую философию. Я вернулся к Юму и опубликовал большую обобщающую работу об этом мыслителе. Размышления о Юме всегда подталкивали меня к разработке метафилософских тем, которую я надеюсь продолжить в ближайшем будущем (я обычно рекламирую себя как одного из самых радикальных кабинетных философов и уже написал книгу, которую можно считать манифестом кабинетной философии, но эта тема нуждается в дальнейшем развитии). Внутренняя логика моих изысканий открывала все новые горизонты, что иногда помогало разобраться в запутанных проблемах или разрешать какие-то исторические загадки (такие, к примеру, как загадка, связанная с обстоятельствами десятидневного пребывания Л. Витгенштейна в Москве в сентябре 1935 г. – теперь это больше не загадка). Может быть, такая сосредоточенность на внутренней логике предмета, такой исследовательский индивидуализм – тоже признак нашего поколения. В конце концов, свобода как знак этого поколения предполагает разнонаправленность наших действий, а она гарантирует индивидуализм.

Смена философских поколений у нас и на Западе

Из моих ответов на предыдущие вопросы у читателей может сложиться впечатление, что девяностодесятники склонны решать проблемы, а не переживать от их неразрешимости или говорить «Нет проблем». Возможно, это действительно так. В любом случае я считаю, что смена философских поколений в России не ухудшает, а пожалуй что и улучшает ситуацию (этому улучшению противостоит государственная политика в области гуманитарных и общественных наук, но эту тему я не буду развивать). Что же касается смены философских (и не только философских) поколений на Западе, то в последнее время у меня все чаще возникает чувство, что новые поколения там скорее создают проблемы, чем решают их. Впрочем, я остаюсь умеренным оптимистом и надеюсь, что пережесты политкорректности и связанные с ними эксцессы все же не станут там устойчивой формой жизни.